

Филип Пулман

КОМАНДА СОРВАНЦОВ

Музей восковых
фигур

Бал
газовщиков

Золотой компас (АСТ)

Филип Пулман

**Команда сорванцов: Музей
восковых фигур. Бал газовщиков**

«Издательство АСТ»

1994, 1995

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Пулман Ф.

Команда сорванцов: Музей восковых фигур. Бал газовщиков /
Ф. Пулман — «Издательство АСТ», 1994, 1995 — (Золотой
компас (АСТ))

ISBN 978-5-17-151090-9

Шел 1894 год. Тихий Ламбет наводнили таинственные происшествия: сначала кто-то ввел в оборот фальшивые монеты и под подозрение попал отец Грома Добни, а затем и серебро Общества Газовщиков загадочным образом исчезло. К счастью, за расследование взялся одиннадцатилетний Бенни Камински и его друзья-детективы. Нью-катская банда точно знает, как правильно заключать пари, где продают самые вкусные горячие каштаны и как разоблачить преступника.

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-151090-9

© Пулман Ф., 1994, 1995

© Издательство АСТ, 1994, 1995

Содержание

Музей восковых фигур	6
Глава первая. Притязания Диппи	7
Глава вторая. Арест	14
Глава третья. Пора действовать	21
Глава четвертая. Превращение Диппи Хичкока	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Филип Пулман
Команда сорванцов: Музей
восковых фигур. Бал газовщиков

Philip Pullman

THUNDERBOLT'S WAXWORK

Text copyright © Philip Pullman, 1995

THE GAS-FITTERS' BALL

Text copyright © Philip Pullman, 1995

© А. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Музей восковых фигур

Глава первая. Притязания Диппи

Ламбет, 1894

Преступная карьера Грома-с-Ясного-Неба Добни (для краткости просто Грома) началась одним туманным ноябрьским вечером аккурат возле Музея восковых фигур. Самого себя Гром никогда преступником не считал – напротив, он был отрок благонравный и ученый. А еще страстный любитель собирать всякие диковинки. Вот и сейчас его уже несколько дней кряду переполняла жажда заполучить некий свинцовый слиток замысловатой формы, находившийся во владении его одноклассника по имени Гарри Флетчер.

После долгих переговоров ему, наконец, удалось уломать Гарри обменять желаемое на отрез рогаточной резинки.

Сделка состоялась под шипящим газовым фонарем у входа в Музей восковых фигур.

– Эта вещь – краденая, – со значением обронил Гарри. – Она с той старой статуи царя Нептуна, что торчит у входа в «Овен и флаг». Ну, сам знаешь.

Сознание того, что у него в руках – самый что ни на есть настоящий кусок криминальной истории, преисполнило Грома гордостью.

Гарри умчался, чпокая своей новой резинкой по ногам прохожих, а Гром опустил свинчатку в карман, ежась от сладкой виноватости.

Остальные меж тем всю глазели на афишу, рекламирующую новые экспонаты «Восковых фигур».

– Жертва-Жуткой-Смерти-От-Тысячи-Ножевых-Ударов, – старательно прочитал Бенни Камински, коренастый темноволосый джентльмен одиннадцати лет.

С первого взгляда Бенни немудрено было принять за обычного мальчика. Но пообщавшись с ним ближе хотя бы с полчаса, вы неизбежно приходили к выводу, что перед вами гений. Проведя с ним день, к вечеру вы начинали думать, что он – сам дьявол во плоти, впрочем, к тому времени было уже поздно: вас успевало засосать. Всех, кто знал Бенни, неизбежно засасывало, потому что это был водоворот в обличье мальчика. Нью-катская банда страшно гордилась, числя его своим вожаком.

Гром тоже прищурился на афишу, которую разглядывал Бенни.

– А! Я читал об этом в энциклопедии, – сказал он. – Они их сначала связывают, а потом отрезают разные кусочки бритвой. Обычно с ног начинают, потом движутся вверх. Целые часы на это уходят! – добавил он с явным энтузиазмом и грязным пальцем вернул очки обратно на переносицу.

– Ну? – спросила Брайди. – Мы внутрь идем или как?

Брайди Малоун имела пылающе-рыжую голову, такой же горячий нор и общей свирепостью не уступала Бенни.

Всюду, куда бы Брайди ни шла, неизбежно оказывался и ее младший братец, Акуленьш Боб – умиротворенное и доброжелательное дитя, которое могло съесть что угодно... и часто ело. Члены банды ничуть не возражали против присутствия Акуленьша – напротив, они его приветствовали. Так они могли биться с разными людьми об заклад на то, что он способен разжевать и проглотить разные не вполне обычные вещи – собачье печенье, пробки от шампанского, рыбы головы и все прочее, что скармливали ему азартные жители Ламбета, – и гарантированно выигрывать.

Сейчас он, к примеру, кротко пощипывал сестрин рукав.

– Диппи продает каштаны, – заметил ребенок, оторвавшись от текстиля. – Я его видел.

– Люблю каштаны, – специально для непонятливых объяснил он.

Каштаны любили все.

Мигом позабыв про Жуткую Смерть и ее Ножевые Удары, компания ринулась через дорогу и за угол – к «Распродажному универмагу Гребби», возле которого обосновался со своим лотком горячих каштанов Диппи Хичкок.

«Распродажный» раскинулся сразу на несколько витрин – это был самый большой магазин в Ламбете. Стекла его сияли огнями и истекали осажденной влагой. У входа Старый Диппи как раз отсыпал каштанов только что вынырнувшему из дверей покупателю и весело помахал детишкам.

– На три пенса, Диппи, пожалуйста, – солидно сказал ему Бенни.

Сегодня он уже успел разжиться шиллингом – за то, что подержал лошадей для «Братьев Перетти» («Переезды, похороны и экскурсии на побережье»). За пенни можно было получить целых шестнадцать каштанов – так что всего выходило по двенадцать на нос.

Ребятишки обступили Диппину жаровню, чтобы скорее насладиться добычей. Они выуживали дымящиеся орехи из треугольных газетных фунтиков и катали между ладонями, чтобы скорлупа отстала.

– Что, уже ходили в «Восковые»? – любопытствовал Диппи. – От бы мне быть такой восковой фигурой!

– Они там не делают восковых фигур с каштанников, – сочувственно сообщил Гром. – Только с королей и преступников. Ну, и всяких в таком роде.

– А я ведь был преступником, – поделился Диппи. – Собирался карманником заделаться. Но отказался от ентной идеи. Все она, совесть.

– Ежели ты не какой знаменитый душегуб, все остальное им не годится, – сказал Бенни. – Ты же больше ничего не сделал, чтобы стать знаменитым, а, Диппи?

Диппи поскреб щетинистую челюсть.

– Нет, – скорбно ответил он. – Но я хотел бы быть ентной восковой статуей. Вроде как жизнь бы тогда не зря прошла.

Из универмага вынырнул еще один покупатель и взял на пенни каштанов, расплатившись шестипенсовиком.

Брайди, которую восковые фигуры, конечно, тоже интересовали, тем не менее, усталилась в ближайшую витрину, где круглый лоснящийся человечек по имени мистер Пейджет, глава отдела готового мужского платья, возился, облачая манекен, – там было гораздо интереснее!

Стоило ему поднять руку (не свою, манекена) в нужное положение и отвернуться за какими-нибудь перчатками, рука падала обратно. Человечек свирепел и с каждой минутой лоснился все сильнее. Рука вверх... – рука вниз... – уронить перчатки... Кукла качнулась вперед и съездила ему по носу. Мистер Пейджет явно сказал некое плохое слово и виновато покосился на пару больших голубых глаз, внимательно следивших из-за стекла за его действиями. Коварная Брайди тут же поймала добродушного пожилого джентльмена, как нарочно проходившего мимо, и, тыча пальцем в главу отдела, невинно осведомилась, что это интересное слово могло бы означать.

– Нет! Нет! Нет!!! – в ужасе изобразил мистер Пейджет, замахал руками, нырнул вбок, лоя подлюю куклу, и перевернул стоявший рядом стул.

Именно на этом этапе из дверей магазина пулей вылетел сам мистер Гребби и, потрясая кулаками, взревел:

– А ну-ка все вон от витрины! Я не потерплю никаких бродяг и коробейников рядом с моей собственностью! Я на вас закон спущу! Коптят мне тут стекла, мусор по тротуару разбрасывают! Вон отсюда! Убирайтесь! Ноги в руки!

Диппи, естественно, никуда убираться не хотел. Свету много, толпы входят, толпы выходят – бизнес движется хорошо. Увы, мистер Гребби был записной крикун-держиморда (и морда у него была красная!) – никто не мог долго выносить его вопли. Так что банда помогла Диппи сняться с места и откочевать малость подальше. Мистер Гребби волком зыркнул на них и удалился обратно в магазин.

– Вот ведь оручий какой пустобрех, – задумчиво прокомментировала Брайди.

– Надо бы ему отомстить, – сдвинул брови Бенни.

Банда давно питала к мистеру Гребби неприязнь – с тех самых пор, как он выгнал их из магазина за предложение расширить клиентский сервис. Блестящая идея принадлежала, конечно, Бенни. Она состояла в том, что банда будет демонстрировать туристическое снаряжение. В торговом зале предполагалось поставить палатку, готовить еду на Патентованной-Складной-Плитке «Везувий», фильтровать воду через Антимикробный-Фильтр «Нежучок», спать в Патентованном-Спальном-Мешке «Сладкий храп» и т. д. В пакет услуг входило даже исполнение воинственной пляски апачей для развлечения публики.

Бенни очень гордился своим планом. И, как у него всегда бывало с планами, этот тоже очень быстро пошел вразнос. Бенни уже грезилась Специальные Отряды высокопрофессиональных и превосходно натренированных Демонстраторов, общим числом для начала... ну, скажем, тысяч десять, которые будут наглядно показывать покупателям, как пользоваться вещами из ассортимента магазинов, и получать за это от благодарных хозяев симпатичные деньги.

Себе он собирался брать совсем небольшой процент – ну, скажем, семьдесят пять от общей суммы. Где-то в течение года Бенни планировал порядком разбогатеть, завести сеть филиалов в Америке, вывести компанию на фондовую биржу, баллотироваться в парламент и, как говорили в древности, всякая прочая *et cetera*.

В общем, он как раз объяснял мистеру Гребби, как все это будет потрясающе, но тут с Громом случился некий досадный казус в процессе пользования Складной-Зонтичной-Палаткой «Люксуриозум»... а близняшек Перетти как назло именно в этот момент унесло на Самодвижущемся-Инвалидном-Кресле «Пегас»... и вдобавок Акуленьш Боб обнаружил «Офицерский сюрприз» – Полноценный-Сублимированный-Рацион-в-Банках... Ну, и все как-то вышло из-под контроля.

Короче, мистер Гребби вышвырнул их из магазина и запретил впредь в нем появляться.

– Эй, Диппи, – сказал Бенни, отрываясь от воспоминаний. – А сдача-то моя где?

– Ой, звиняйте, – спохватился каштанщик. – Вы мне, стал-быть, шиллинг давали? Натя вам вот трехпенсовик и к нему славные новехонькие шесть пенсов.

Деньги Бенни взял, но посмотрел на них как-то подозрительно – а потом даже укусил!
– Эгей, Диппи, – сказал он. – Да ведь это ж фальшивка! Ты где ее взял?

Он показал монету. Отличная такая монета, действительно блестящая, новенькая – вон и королева Виктория, и буквы нужные по ободу, а прямо на носу у ее величества – на тебе! Отметка от зубов.

– Фальшак, как пить дать, – подтвердила Брайди. – Слушай, Диппи, это ни разу не правильный шестипенсовик!

Банда сгрудилась вокруг жаровни. Диппи взял монету и проверил ее сам – прямо всеми своими четырьмя последними зубами.

– Ну и ну, – озадаченно изрек он. – По всему видать, вы правы. Зуб дам, фальшак. И кто же это мне его всучил? Натек-ка вам лучше нормальных денег.

Другой такой монеты у него не сыскалось, так что он выдал Бенни шесть отдельных пенни и снова с отвращением уставился на предательскую денгу.

Впрочем, Гром разглядел в выражении его лица и кое-что другое. Ежели зарабатывать всего по два-три шиллинга в день, шесть пенсов – это целая куча денег.

Тут за каштанами подошла старая леди – купить кулечек своей внучке, а вслед за ней сразу нарисовался Джонни Хопкинс, явившийся, вытирая усы, из «Валлийской арфы», и Диппи сразу стало не до ребят.

Они попрощались и побрели восвояси.

– Это нечестно, – решительно заявила Брайди, когда они снова оказались перед «Восковыми фигурами». – Тот, кто дал Диппи эту денгу, точно знал, что мухлюет.

– Не давать ему заделаться восковой фигурой тоже нечестно, – согласился с ней Бенни. – Те, которые у них есть – да что они сделали в своей жизни? Ну, людей убивали, Америку открывали да это... королями с королевами были – и всё. Справедливость, я спрашиваю, где? Вот пари держу, будь Диппи жертвой Смерти-от-Тысячи-Ножевых-Ударов, они б его живо куда надо вставили.

– Диппи маловат будет, – резонно возразила Брайди. – Откуда там тысячу кусочков-то взять, чтоб ножи втыкать?

Бенни смерил двери «Восковых фигур» суровым взглядом.

– Мы отправим туда Диппи, даже если это будет наше последнее деяние, – твердо сказал он.

Когда у Бенни делалось такое лицо, остальная банда знала – с вожаком лучше не спорить. А потому, оставив его наполеоновски хмуриться на дверь музея, тихонько двинулась в сторону дома (то есть Клейтон-террас).

– Я вообще-то не прочь утереть нос тому профессору... ну, которому «Фигуры» принадлежат, – поделилась Брайди. – Он нас с Акуленьшем как-то вышвырнул – в прошлом июле дело было, как сейчас помню.

– И я даже догадываюсь почему, – заметил Гром.

– Да ладно, всего-то один палец откусил. У того парня из Камеры Ужасов и так уже много чего доставало – его, видишь ли, там пытаются. Ты бы и не заметил.

– И как тебе пальчик, Акуленьш?

– Вкусный, – невозмутимо ответил Акуленьш Боб.

– А профессор, представь, заставил нас за него заплатить! У меня с собой три пенса было – так он все их забрал! Да на это цельную новую руку состряпать можно!

Они брели сквозь сгушавшийся на глазах туман – газовые фонари в нем походили на белые одуванчиковые головки.

– Надеюсь, Диппи не всучат еще один фальшивый шестипенсовик, – сказал задумчиво Гром.

– Ма вот всучили – вчерась, в мясной лавке, – пожала плечами Брайди. – Небось, сам слышал, как она ругалась. Эй, а это не твой па там часом?

Они как раз дошли до дома номер пятнадцать, где на нижнем этаже обитали Гром с папой – Брайди и остальное ее семейство (весьма немаленькое) жили выше. Сквозь грязное подвальное окно на мокрые кирпичи выплескивалось озерцо зловещего мерцающего света.

– Ага, – не без гордости сказал Гром. – Варганит кое-что новое. Не знаю что. Это коммерческая тайна.

Мистер Добни держал сувенирный и подарочный бизнес. Сувениры у него были странные. Он делал подсвечники в форме драконов; настольные автоматы в форме собачьей будки, раздающие ершики для трубок; держатели для бутылок с содовой водой, вращавшиеся вокруг своей оси на маленьком пьедестале, и всевозможные другие хитрые устройства. Его последней новинкой, например, был держатель для перчаток, скрещенный с собачьим свистком, – по каким-то непонятным причинам спроса на него не оказалось и продавался он из рук вон плохо.

То есть, будем честны, никак.

Поэтому мистер Добни специально арендовал подвал в их же доме и засел там со своим новым проектом – втайне даже от Грома. Единственное, что Грому удалось узнать, это что там как-то замешано электричество: па спустил в подвал уйму тяжелых батарей и мотков проволоки, после чего за дверью началось гудение и какие-то вспышки.

– Я, пожалуй, пойду к нему, – сказал Гром. – Ужином покормлю. Чаю заварю.

– Чай я люблю, – заявил Акуленьш Боб. – И печенье. И вообще.

– Да, Акуленьш, мы в курсе, – Брайди, не глядя, погладила его по головке. – Что у вас на ужин-то?

– Пара селедок.

– Как их, кстати, готовят?

– Не знаю... варят, наверно. Это ж, типа, копченая рыба. А копченую рыбу варят.

Брайди сердито потрясла головой.

– А, слушай, давай я лучше сама!

Гром уже с год приглядывал за собственным папой, и тот пока еще ни разу не жаловался. Выказанное Брайди презрение к его кулинарным навыкам мальчика, конечно, расстроило, но чего уж там... Брайди ворвалась на кухню и свирепо загремела посудой – к счастью, сковородка нашлась довольно быстро. Уже собравшись было поставить ее на плиту, Брайди присмотрелась, содрогнулась и понесла находку под лампу – рассмотреть получше.

– Ты что здесь готовил в последний раз? – грозно спросила она, с неприязнью ковыряя пальцем какой-то мазут на дне.

– Наверное, жидкую карамель, – Гром глубоко задумался. – Па тогда задумал торговать яблоками в карамели и искал самый дешевый способ ее делать. Помню, взял рыбий жир вместо сливочного масла... но масса почему-то толком не застыла.

Брайди закатила глаза, отставила сковородку и снова углубилась в поиски.

– Так, это подойдет, – сказала она, выживая из беспорядка коврик с ручкой. – Давай сюда селедок, нож и найди мне соли.

Опытной рукой пошерудив ножом туда-сюда внутри рыбы, она извлекла на свет божий некие интересные с виду жилочки и комочки, представлявшие собой, вероятно, ее внутренности. Рыбы, разумеется.

Акуленьш Боб оторвался от своего занятия – он вылизывал сковородку – и рассеянно потянулся за ними, но схлопотал по пальцам.

– Так, – сказала Брайди. – Дальше надо нагреть ковш, кинуть на дно большую ложку соли и положить сверху рыбу. Она достаточно жирная и зажарится сама, без масла. Эй, ты что там читаешь?

Она положила селедок куда, где до них точно не добрался бы Акуленьш, заправила за ухо кудрявую рыжую прядь и с подозрением уставилась на раскрытые на столе книги.

– Это моя домашняя работа, – объяснил Гром. – Надо выписать из словаря и выучить десять слов вместе со значениями.

– *Аардварк*, – прочла Брайди. – *Неполнозубое насекомоядное четвероногое млекопитающее*. Гм. Наверняка очень полезная информация.

Амбра серая. *Жирная субстанция мар-мо-ри-форм-ной или бороздчатой конфигурации, выделяемая из кишечника кашалота. Высоко ценится в парфюмерии*. Буэ.

Асбест. *Высококачественный волокнистый амфиболит или хризотил, обладающий свойством огнеустойчивости...* Что это все, к чертовой матери, значит?

– А нам не надо знать, что оно значит. Только запомнить определение.

– И этому вас в школе учат? Да уж, нечего сказать, – она отняла у брата сковородку. – Пошли, Акул, нам пора. Пока, Гром.

Гром тоже сказал «пока», помешал огонь в печке и подбросил еще пару кусков угля, потом отнес лампу на стол и сел доделывать домашнюю работу.

– Здорово, сын, – сказал, входя, мистер Добни. – Ну и холодрыга же там, внизу. Брр! А что у нас на ужин?

Он потер руки и протянул их поближе к огню.

– Селедки, – сообщил Гром. – Не знал, что у них внутри потроха, как у куриц. Брайди их выпотрошила и показала, как правильно готовить. На этот раз вкус будет нормальный.

– Да и в прошлый раз было вполне ничего.

Мистер Добни уселся в качалку и развернул газету.

Гром папу любил и знал, что папа любит его, но ни одному из них даже в голову бы не пришло сказать об этом прямо. Зато мистер Добни всегда хвалил готовку сына, а сын искренне полагал, что папино последнее изобретение уж точно выйдет самым лучшим.

Хорошо, однако, сидеть вечером у камелька – чайник кипит, медный будда посверкивает на каминной полке; мистер Добни вслух читает про очередной скандал из газеты, а Гром возится со своим музеем.

– Я смотрю, ты отчистил старую сковородку, – одобрительно заметил мистер Добни. – А это что у тебя такое?

– Кусок свинца, – с гордостью объяснил Гром. – С той статуи царя Нептуна, что возле «Овна и флага», помнишь?

Он снял с полки сундучок с латунными углами, принадлежавший еще его дяде, матросу Сэму. В сундучке хранилась коллекция его личного музея диковинок: моржовый бивень с выгравированным на нем кораблем «Катти Сарк»... – хотя, точнее будет сказать, выцарапанным; сушеный морской конек; несколько ракушек каури; самая настоящая косточка из носа вождя племени каннибалов, которую дядя Сэм выиграл у него (вождя) в покер; ком какой-то резиновой субстанции родом из Саргассова моря, который Гром считал бывшей медузой. Но среди сокровищ были и его собственные находки: полпенни, попавший под трамвай; прутик с куста в Беттерси-парке, который, если правильно его повернуть и еще немного прищуриться, выглядел точь-в-точь как маленький такой старичок; треснутый стеклянный слайд для волшебного фонаря, на котором был замок Глэмс: в одном из замковых окон виднелось (Гром был в этом совершенно уверен) привидение. А, еще сорок шесть осколков старомодной курительной трубки со дна Темзы – найдены во время отлива в грязи. В древние времена люди курили глиняные трубки, и когда те разбивались, делать с ними было совершенно нечего, только выбрасывать – вот большинство из них и оканчивало свои дни в реке.

Гром разложил коллекцию на столе и подверг тщательной инвентаризации. Тут же обнаружилось, что «Саргассово море» на карточке было написано неправильно. Гром переделал

карточку и еще снял ногтем пушинку с резинового кома. С виду тот явно знал лучшие времена: цвета был тусклого, вроде как серого, с прожилками потемнее, как от сажи. Что любопытно, от царапанья часть этой черноты забила под ноготь – на который Гром с подозрением и уставился.

– Что такое? – спросил папа. – Это у тебя там Сэм нефтяной парафин, что ли?

– А я думал, это сушеная медуза, – пробормотал сын.

– Не-не, это просто нефтяной парафин, Сэм его с Тринидада привез. У них там целое огромное озеро есть, целиком из гудрона – по нему даже ходить можно! Ого! А это мысль! Обувь с дегтярной подошвой – она же получится водонепроницаемая, так? Надо будет об этом поразмыслить. В общем, твоя штука – воск, можешь мне поверить.

– Воск! Диппи! Восковые фигуры!

Гром так и подскочил. Папа глянул на него поверх газеты с кротким удивлением. Пришлось объяснить ему про притязания старого Диппи.

– Понятно, – папа подкатил к себе поближе тяжелый слиток. – А из этого выйдет недурная голова, вот что я тебе скажу. Правда, забавного цвета... Но и у самого Диппи цвет тоже не то чтобы очень здоровый.

– Можно сделать к ней туловище и контрабандой протащить в музей... «Диппи Хичкок, Знаменитый-на-Весь-Мир-Продавец-Горячих-Каштанов». Жалко, конечно, что он не убийца – тогда все было бы гораздо проще, – вслух подумал Гром.

– А зачем тайно тащить в музей всё? Хватит и головы, – резонно заметил папа.

– Ну, не может же он быть просто головой! – возмутился Гром. – Диппи Хичкок, Знаменитая-Каштановая-Голова-Без-Тела, ага!

– Да нет! Простонесите кумпол Карлу Второму, или адмиралу Нельсону, или еще кому и приладьте сверху Диппин кочан.

Гром задумался.

– Не знаю, не знаю. Думаю, он заслужил быть целиком собой, а не прикидываться кем-то другим. Это как будто не совсем он получится...

Он подкатил к себе слиток нефтяного воска. Фунта четыре, небось, никак не меньше – а то и все пять. Тут взгляд его упал на газету, за которую снова взялся папа. На обращенной к нему странице виднелся некрупный заголовок.

– «Незаконный оборот фальшивых металлических денег...» Па, это про что? Вон та статья.

– Где? Ах, эта. Так, много шума из ничего. Давай-ка, Сэмюэл, завязывай с игрушками, уже пора на боковую.

Громом па его никогда не звал. На самом деле юный Сэмюэл стал Громом только этим летом, когда отправил в нокаут Громилу Уоткинса из банды Нижнего Марша. Громила что-то такое неудачно сказал про Громову маму, и Гром отвесил ему всего один колоссальный тумак, который и выбил из противника дух – как гром с ясного неба! С тех пор Сэмюэл жил в постоянном ужасе встретить Громилу еще раз... но, вообще говоря, между нами – приключение того стоило!

Глава вторая. Арест

– Именно это я сам и хотел предложить, – заявил на следующий день Бенни.

На самом деле он сказал неправду. В действительности Бенни собирался выдвинуть идею, что банда откроет свой собственный музей восковых фигур, который будет конкурировать с нью-катским. Эта радужная картина уже надувалась, поблескивая, у него в голове, словно гигантский мыльный пузырь: пышный подъезд; очереди длиной в милю; фигуры, настолько реальные с виду, что вот-вот в пляс пустятся. Камера ужасов, конечно, – да такая, чтобы даже у упыря кровь застыла в жилах!

В буйном воображении Бенни экспозиция «Королевских и национальных восковых фигур Камински» занимала место примерно с Хрустальный дворец и пользовалась таким успехом, что ее пришлось везти в турне по Америке, откуда сам мистер Камински, само собой, вернулся миллионером. Вскоре он был уже сэр Бенни... потом лорд Камински... а там уже и до герцога Ламбетского рукой подать... Кстати, а как там с принцессами крови – есть на ком жениться?

Тем временем в реальности их активы состояли из Громовой глыбы нефтяного воска... или все-таки сухой медузы? Или что там это вообще было?

Как бы там ни было, в данный момент банда держала совет на чердаке над «Извозным двором Ходжкинса» и, утопая в соломе и насыщенном аромате лошадей, внимательно созерцала будущую голову Диппи Хичкока.

– Я так смекаю, это обычный пчелиный воск, – глубокомысленно изрекла Брайди.

– И вовсе никакой не пчелиный, – отрезал Бенни (его па был портной, так что в воске Бенни разбирался профессионально). – Пчелиный твердый и желтее. Этот – нефтяной, зуб даю. Из него свечи делают – проще резать и все такое.

Он уже потихоньку пробовал на слитке свой перочинный нож.

– Кстати, глаза, – задумчиво сказал он. – Где мы возьмем глаза?

Гром достал из кармана выцветший водянистый мраморный шарик.

– Вот примерно тот же цвет, что у Диппи.

– И на что он нам один? – возразила Брайди. – Надо же два. Хотя он может вроде как подмигивать... или носить на одном глазу повязку, как лорд Нельсон.

– У меня еще вот такой есть, но я как-то даже не знаю... – с сомнением сказал Гром, выживая еще один, побольше – из белого мрамора с красными прожилками.

– О, вот этот подойдет! – оживился Бенни. – У него вроде как может быть один нормальный глаз, а второй – подбитый и налитый кровью. Класс! Еще нам понадобятся щетина для усов и...

Изготовление восковой фигуры заняло у них большую часть дня.

Бенни прочесал отцову мастерскую и позаимствовал костюм, за который кто-то не заплатил. Брайди пожертвовала пару ботинок дядюшки Майка. Гром умудрился добыть пучок волос из хвоста Джаспера – на редкость злонравной коняги из конюшни внизу.

Дальше Гром с Брайди принялись набивать костюм соломой, просовывать насквозь палку от метлы и придавать всей конструкции в целом условно Диппиобразную форму, а Бенни... о, Бенни сел работать над головой!

Резать воск было нетрудно. Проковыряв две ямки для глаз, Бенни дальновидно отложил извлеченный воск на потом, чтобы сделать из него нос. На доведение глаз до ума ушло значительно больше времени, да и тогда он был не совсем уверен, что получилось в точности как у Диппи... – вроде чего-то не хватало. Хотя, может, все дело было в отсутствующем носе. Бенни протянул руку за отложенным специально для этой цели воском – и обнаружил, что тот куда-то делся. Впрочем, в таких случаях искали всегда в одном и том же месте: чуть поодаль с мечтательным видом облизывался Акуленыш Боб.

– А ведь это мог быть смертельный яд, – с надеждой предположил Бенни.

– Оно вкусное, – успокоил его Акуленыш. – Мне понравилось.

Бенни вздохнул и, отколупав кусок с Диппиного затылка, все-таки занялся носом. Прошел час. Все это время он усердно мял, тянул, разглаживал, проминал и вспучивал, озирался, прищурившись, результат, совал конский волос под нос вместо усов... и осколки битого фарфора в рот, надеясь, что из них выйдут зубы... и, наконец, решил, что дело сделано.

– Готово! – с гордостью объявил он.

Остальные сгрудились вокруг.

– Гм, – сказала через некоторое время Брайди. – По-моему, у него лицо такое, будто он сейчас сблует.

Бенни закрыл Диппи рот. Голова брезгливо поджала губы, словно только что проглотила гусеницу.

– А еще он косой на оба глаза, – оценил Гром. – Пьян в свинью.

Бенни со вздохом лизнул палец и поправил кусочки лакрицы, которые прилепил на мраморные шарики в качестве зрачков.

– Я все-таки насчет хлеба не уверена... – продолжила критику Брайди. – У Диппи-то всегда челюсть вниз висит.

Испустив следующий, еще более тяжелый вздох, Бенни снова открыл модели рот. Теперь она выглядела как охваченный дурными предчувствиями пациент дантиста, которому посулили опробовать на нем совершенно новую непроверенную форму зубной хирургии.

– Так гораздо лучше, – похвалил Гром. – Но вот глаза... не знаю...

– Тогда сам все делай!!! – взорвался скульптор. – Раз ты такой умный! Давай, покажи нам, какими должны быть глаза! Наверняка же ты всю жизнь только и делал, что глазами занимался! Ты ж у нас настоящий эксперт по глазам! Никто в целом свете про глаза ничего не знает – один ты! Да люди со всего мира съезжаются, чтобы только спросить тебя про глаза! Ну, вперед!!! Уж ты-то наверняка враз все сделаешь как надо, с твоим-то опытом!

По окончании речи голова полетела в Грома – тот поймал и еще минуту-две поковырялся с ней. Голубой глаз уставился в потолок, как бы отчаянно моля о помощи. Красный алчно вперился в пол, словно у убийцы, злорадствующего над жертвой.

Все отошли на шаг и еще раз критически осмотрели работу.

– Ну... – сказала Брайди.

– У него, ежели кто не заметил, до сих пор тела нет, – вмешался Бенни. – Давай, насади ее на палку – все равно не будет нормально смотреться, пока лежит тут, как... ну, как отдельная голова.

Гром и Брайди некоторое время мудрили с головой, но в результате та прочно и надежно утвердилась на палке от метлы.

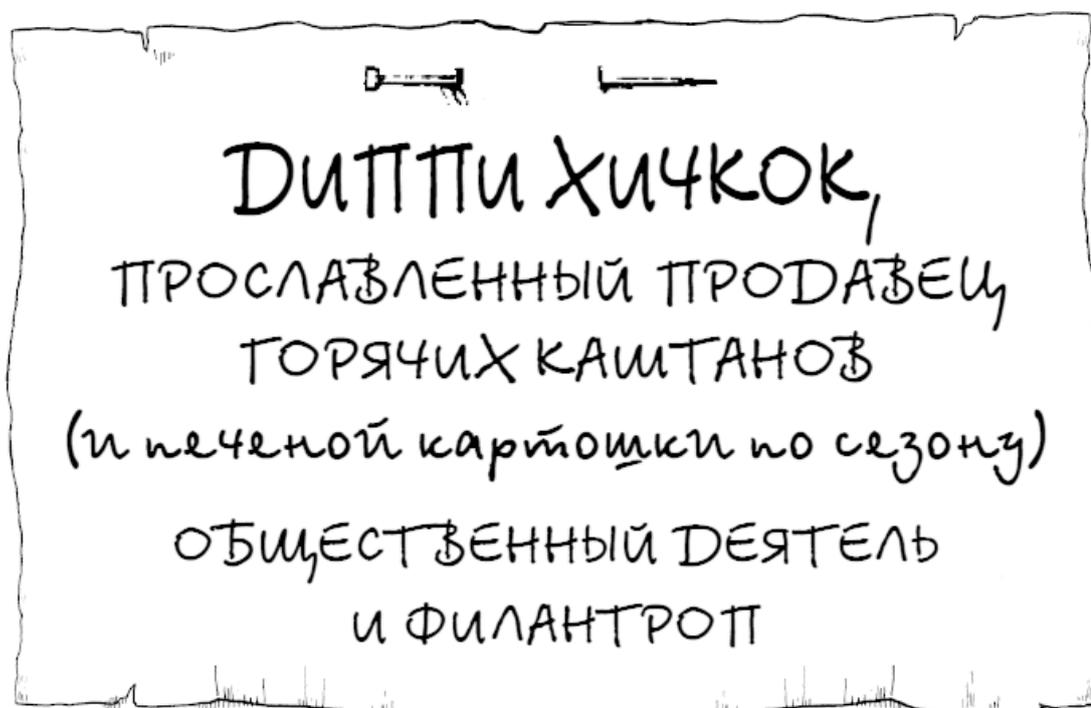
– Вот! – сказал Бенни.

– Уже лучше! – сказала Брайди.

– Ва! – сказал Акуленьш Боб.

Все посмотрели на него, но продолжения не последовало.

Банда с удовлетворением кивнула: это был настоящий шедевр. Гром очень аккуратно написал табличку – все слова правильно, без единой ошибки! – и прицепил ее к пиджаку наподобие медали.

– Это вот что за последнее слово? – недоверчиво прищурилась Брайди.

– Это значит «благодетель человечества», – объяснил Гром. – Я его в словаре нашел. Оно настоящее, я не выдумал.

– Ну, что ж, – попытожил Бенни, – время доставить нашего клиента в музей.

Об этом этапе операции они до сих пор толком не думали. Как-то само собой разумелось, что они... ну, вроде как войдут, установят воскового Диппи на самое козырное место и... и выйдут. Никто их при этом, конечно, не заметит.

Но тут компания поняла, что *так просто* все не получится.

Чем ближе они подходили к музею, тем явственней становилась догадка, что все будет *совсем не просто*. Во-первых, войти внутрь стоило денег, а остатков Бенниного шиллинга хватало только на двоих.

– Это должны быть мы с Брайди, – не терпящим возражений тоном заявил Бенни. – Акуленьш слишком маленький, а Гром – слишком неуклюжий.

Это была правда, Гром и сам знал. Они с Акуленьшем послушно остались на тротуаре напротив музея.

На улице быстро темнело. Уже зажигались первые фонари. По бокам от «Восковых фигур» сияли магазинные витрины, ломясь от фарфоровых тарелок и скобяных изделий с одной стороны, алых и зеленых аптечных флаконов и таблеточных ящичков из красного дерева с другой. В самой витрине музея благообразно красовался плакат, едва видный в лившемся на него зловещем тусклом свете: естественно, хозяин заведения, профессор Дюпон, был слишком хитер, чтобы ставить туда настоящую восковую фигуру – не хватало еще, чтобы публика глазела на нее забесплатно!

Бенни и Брайди пересекли дорогу, уворачиваясь от телег и омнибусов, и взбежали по ступенькам ко входу. Куклу они несли между собой с совершенно небрежным, даже будничным видом – нормальная картина, само собой разумеющаяся; такое каждый день увидишь... Даже странно, что никто в округе кукол больше с собой не носит.

Вверху крыльца имелась дверь, а в двери – небольшое окошечко, где нужно было уплатить мрачной особе в черном свои законные три пенни. Билетики каждый день были нового цвета, специально на тот случай, если кое-кто решит сегодня сходить еще разок, по вчерашнему.

Парочка вальяжно прошла внутрь. Ботинки дяди Майка простучали по ступенькам; за ними едва не увязалась любознательная псина, которую в команду явно никто не звал.

Прошла секунда, может две.

Внезапно Бенни и Брайди спешно покинули музей. На самом деле они сделали это прямо-таки бегом и лишь через несколько шагов остановились, развернулись и гордо расправили плечи, готовые к битве... – но тут их стремительно (и практически кувырком) нагнал Диппи. Брайди ловко поймала его на лету и подняла повыше, так как вокруг ее ног уже в полном восторге плясала указанная псина. Бенни тем временем негодуя грозил кулаком профессору, который показался на пороге, окинул всю троицу презрительным взглядом и громко хлопнул дверью.

Вся эта сцена разыгралась так быстро, что Гром с Акуленьшем и рта раскрыть не успели.

– Ха! – с беспримерной издевкой воскликнул Бенни. – Сдается мне, этот человек просто не хочет, чтобы его чертово заведение стало по-настоящему успешным! Ему подавай старых скучных королей да королев, как у всех! Клянусь, он нам просто завидует!

Торчать там и дальше смысла не было. Вокруг уже собирались зеваки, отпуская несмешные колкости насчет чучел и Гая Фокса. К тому же к первой собаке присоединились две или три новых, кажется, поспоривших, кто первым прикончит этого странного соломенного человека. В общем, банда, чернее тучи, двинула обратно на конюшню, а оттуда разбрелась по домам.

Гром ушел последним. Он был сыт по горло. Нефтяной воск принадлежал ему, а Бенни его бесстыдно реквизирует делать голову; сама идея с фигурой тоже принадлежала ему, а он, видите ли, слишком неуклюжий, чтобы нести ее в музей... Все сегодня шло как-то не так. Мутный холодный свет, сочившийся сквозь закопченное потолочное окно, тоже веселья не добавлял – а уж чертова кукла, уныло подпиравшая стену, и подавно!

Теперь, разглядев ее во всех подробностях, Гром подумал, что, пожалуй, в жизни не видел такого кошмара.

Брезгливо передернув плечами, он закрыл за собой люк и слез по лесенке вниз, к лошадям. Увернулся от зубов старика Джаспера и тут заметил конюшенную суку, Джезабель. Повизгивая, она скребла лапой нижнюю ступеньку лестницы.

– Джек, ты чего? – спросил он.

Та с подозрительным пылом облизала ему руки (хотя и без того всегда была приветлива) и почему-то скорбно завывала.

Гром спешил домой сквозь сгущающиеся сумерки, на всякий случай поглядывая по сторонам на предмет лично Громилы Уоткинса и всей банды из Нижнего Марша в целом. Про-

бегая мимо рынка, он услышал, как мистер Ионидес, зеленщик, кричит на растерянного покупателя:

– А ну, убирайся отсюда! Суй свои фальшивые деньги кому-нибудь еще!

Ага, еще липовые пенсы, подумал Гром.

В тот же миг откуда ни возьмись и без малейшего предупреждения в голове у него сверкнула новая идея. А что если... Нет, такое даже словами сказать неудобно. Но идея прочно засела и отказывалась уходить. Что если... это *его собственный па* делает фальшивые деньги?!

Вот, облек мысль в слова и думать сразу стало как-то легче... хотя от нее Грому сразу сделалось тяжело и жарко, как в лихорадке.

Дела-то у них в последнее время шли не ахти. «Рукодуи» (это который держатель для перчаток и собачий свисток в одном флаконе) стал полным провалом, а ведь папа в него так много вложил! И автоматическую чистилку для трубок тоже никто не хотел покупать... А «Простоцап» (Удобный-и-Полезный-Друг-Всякого-Курильщика) – тот просто разваливался на части из-за бракованного шарнира. Да, вся партия. А сейчас папа занимался чем-то настолько секретным, что даже отказывался об этом говорить... хотя обычно ничего от Грома не скрывал.

Додумав до этого пункта, Гром встал посередине тротуара.

Нет!

Идея – полная дичь!

(Но ведь вчера, когда он заметил в газете статью про фальшивые деньги, па как-то очень быстро сложил ее и отправил сына спать!)

Нет, па бы точно не стал делать ничего... криминального.

(Но ведь дядя Сэм в свое время спер медного будду – того, который на каминной полке стоит – из отеля в Рангуне! По крайней мере, он всегда говорил, что спер. А преступная жилка – она передается через родственников, по наследству, это всем известно!)

Нет, его семья определенно не такая!

(Но разве он, Гром, не хранит у себя краденое имущество? Да он сам – преступник!)

Вот в таких мучениях мальчик огляделся вокруг и обнаружил, что стоит напротив лавки мясника. Надо же еще купить что-то на ужин!

Загребая опилки, которыми был щедро посыпан пол, он зашел внутрь и стал смирно ждать, пока мистер Грэм, мясник, упакует свиную ногу для предыдущей покупательницы.

– Один шиллинг и шесть пенсов, дорогуша. И, будьте любезны, нормальные шесть пенсов, а не эти, новомодные.

– Моя соседка получила вчера такой со сдачей, – сокрушенно поделилась женщина. – Такая гадость! Вот как, скажите мне, бедному человеку жить, когда кругом поганые деньги так и шастают? Чего бы им не чеканить золотые соверены, какие всякие богатеи пользуют? А?

Потом она ушла.

– Пирог за два пенни, пожалуйста.

Гром протянул деньги, а когда продавец завернул ему пирог, спросил:

– Что, много сейчас этих фальшивых монет ходит, мистер Грэм?

– По всему Лондону появились, сынок. Уж по всему Ламбету так точно. И не только шестипенсовики – шиллинги, полукроны. Наверняка тут орудует целая банда фальшивомонетчиков.

У Грома сразу полегчало на сердце: его па ни в какую банду не входил, это уж как пить дать.

– То есть один человек самостоятельно такого вроде бы как сделать не смог?

– Ну, почему же, смог бы, – сказал мистер Грэм. – Старый Штамп Биллингс вон один работал, его на долгие годы хватило.

– Кто?

– Штамповщик Биллингс. Ты, небось, его помнишь, Артур? – обратился он к сухощавому старичку, который только что вошел в лавку.

– Старика Штампа-то? Ить, помню, как же, – проскрипел тот. – Крупно он работал, старый Штамп. Конечно, они его, в конце концов, взяли – в тот год, когда Сефтон бега в Дерби выиграл. У него целая команда вбросчиков была. С Вест-Энда шли из Сохо, а с востока – ажно из Лаймхауса. Умный был, черт – сюда своих парней с фальшаком не пускал, чтоб у местных не было резону на него стучать. В этом деле ж оно как – сыщики кругом; и захочешь, а долго не протянешь! Но старик Штамп протянул сильно подольше прочих.

– «Вбрасывать» – это, стал быть, в оборот пускать, – объяснил мальчику мистер Грэм. – За это его потом и посадили. За оборот. Юридический термин такой.

– А у вас этих фальшивых монет часом не осталось, мистер Грэм? – невинно поинтересовался Гром.

– Осталось, как же, – погань такая. Хочешь их взять? Мне-то они незачем.

Мясник пошуровал в кармане фартука и выудил три монетки.

– Только тратить их не смей! – предупредил он.

– Да я не тратить! Как можно! Мне для коллекции – в мой музей.

Пирог Гром отнес в пекарню – подогреть. Впрочем, голова у него была занята только одним – фальшивыми деньгами. Вот и покамест пирог сидел в печи, он на всякий случай спросил у пекаря, мистера Соломонса, случалось ли ему в последнее время брать поддельные деньги.

– Нет, парень, я для этого слишком осторожный, – ответил тот. – Ни одна мимо незамеченной не проскочит.

– А что они делают с фальшивомонетчиками, когда поймают?

– Вешают, мальчик мой. Это преступление против Ее Величества Королевы, за него полагается смертная казнь. Чеканить фальшивую монету – это все равно что государственная измена.

Гром даже икнул.

– А как изготавливают фальшивые монеты, мистер Соломонс?

Пекарь оглянулся по сторонам – не подслушивает ли кто? – и наклонился поближе через щедρο посыпанный мукой прилавок, чтобы говорить приватнее.

– Я слышал от моего кузена – он полисмен, – что сначала с реальной новой монеты снимается отливка из чистого гипса. Потом они плавят какой-нить дешевый металл и заливают в эту форму. Опосля, чтобы она стала нужного цвета, делают такую ванночку из паяльной кислоты и синильной соли, потому как в них содержится серебро, кладут туда денюгу и ток пропускают электрический, через проволоку от батареи. Так чуток серебра пристаёт к фальшивой монете. Вишь, прям настоящее мастерство нужно, чтобы такое сварганить!

Гром его едва слышал: в ушах у него что-то ревело и грохотало. Электрические батареи у них в подвале... проволока эта вся...

Он схватил горячий, источающий ароматный пар пирог и помчался скорей через дорогу домой. Потом замедлил скок – только что ногой за ногу не заплелся. Потом снова припустил... И вовсе остановился. Тут уж, правда, не знаешь, бежать тебе или стоять как вкопанный.

Наконец, едва волоча ставшие свинцовыми ноги, он ввалился через входную дверь. Из подвального окна лился свет – совсем как вчера. И этот слабый, но резкий запах... – уж не паяльная ли кислота?

Гром отнес пирог в кухню и зажег лампу.

Я обязан пойти туда и посмотреть, что он делает, пронеслось у него в голове.

И он со вздохом двинулся к чулану за кухней, откуда в подвал вела темная лесенка. Уже дойдя донизу, он вдруг услышал голоса: в мастерской папа с кем-то разговаривал.

– Надо идти с ними в Вест-Энд, – говорил он. – Попробуем Оксфорд-стрит. Ламбет больше не годится. Или вот еще «Уайтлис» на Куинсвей...

Другой голос ему что-то ответил, а потом внешняя дверь захлопнулась. Изнутри слышался стук и лязг убираемых инструментов и шорох метлы по полу. Подметая, папа насвистывал, но как-то без души... без огоньку.

Гром на цыпочках прокрался обратно наверх, вымыл руки под насосом во дворе и в лицо водой тоже поплескал – на тот случай, если глаза покраснели.

Он разжег плиту, поставил на стол пирог, но на этом приготовления к ужину внезапно пришлось прервать, потому что стоило папе подняться из подвала, как с порога донесся жуткий грохот – это стучали в парадную дверь!

Сердце у Грома так и подпрыгнуло от страха. Папины шаги в коридоре замерли, потом повернули туда. Щелкнула ручка. Громкий официальный голос сказал:

– Фредерик Уильям Добни?

– Он самый, – любезно ответил папа.

– Фредерик Уильям Добни, я арестовываю вас по обвинению в...

– НЕТ!!!

Гром распахнул кухонную дверь и выскочил в холл.

В дверях возвышался толстый полисмен; за ним маячил другой, тонкий. Рядом стоял совершенно растерянный папа.

Тонкий ловко схватил Грома, не дав ему кинуться к отцу – вырваться не получилось, уж очень тот оказался сильный. Сколько Гром ни бился, а держали его крепко.

– Па! Па!!! – отчаянно завопил он, но толстый тем временем уже успел защелкнуть на папе наручники.

– Дайте мне поговорить с моим мальчиком! – взмолился мистер Добни, но поскольку ему никто не позволил, он перешел на крик. – Пустите! Пустите меня поговорить с ребенком! Нельзя же вот так уводить человека – что будет с моим сыном?! Сэм! Сэмми!!! Ты только не...

Дальше Гром не расслышал: толстый полисмен уже затолкал папу в закрытый фургон. Возница хлестнул лошадь, и мальчику оставалось только смотреть в беспомощном ужасе, как полицейский экипаж трясется по брусчатой мостовой прочь, увозя внутри его папу.

Сразу же вслед за этим сзади раздался гром дюжины пар башмаков и могучий ирландский голос проревел:

– Это ж какого дьявола вы мне тут парня сграбастали, а?! Что он тебе сделал, орясина?! А ну, отпустите его сей же минут, а не то я твой шлем с башки-то скovyрну да рыло твое обратное им начищу!!!

Миссис Малоун надвигалась на оторопевшего полисмена как стихийное бедствие, коварно принявшее облик человека. Вокруг шевелюры у нее, казалось, трещали молнии. Служитель закона набрал воздуха в грудь и уже даже рот раскрыл, чтобы выступить в свою защиту, но тут Гром вывернулся, наконец, из его хватки, одним прыжком соскочил с крыльца на тротуар и дал стрекача.

Глава третья. Пора действовать

– Гром?

В люк просунулась рыжая голова Брайди. Она еще раз тихонько позвала его по имени и подняла выше фонарь со свечой внутри.

– А, вон ты где...

Гром лежал, свернувшись в калачик, в самом дальнем углу. Глаза его были закрыты.

Брайди вылезла на чердак и прикрыла за собой крышку люка.

– Эй! Вставай. Смотри, я твой пирог принесла. У тебя, небось, уже живот с голодухи подвело.

Поставив фонарь на перевернутый ящик из-под апельсинов, она развернула замызганную тряпицу, в которой хранился пирог.

Гром упорно притворялся, что спит, и заодно осиновым листом трясся от холода. *Вот ведь бедный убудок*, ласково подумала Брайди и пихнула мальчишку носком ботинка.

– Эй! Ку-ку! Это всего лишь я. Полиция вся свалила. Просыпайся, старый дурак.

Гром зевнул и тщательно разыграл пантомиму, будто он только что проснулся. Даже очки сначала нашарил и на нос их насадил и лишь потом открыл глаза.

– Ух ты. Здорово, Брайди...

– Я пирог тебе принесла.

– Это папе на ужин!

– Они ему там дадут, чего пожевать, будь спок. Жри давай, а то я сама съем.

– Ну, давай хоть поделим.

Своим перочинным ножом Брайди разрежала пирог пополам – ну, уж как вышло – и большой кусок протянула Грому.

– За что они его замели? – с полным ртом поинтересовалась она.

– Изготовление поддельных денежных знаков, – ответил Гром, но как-то совсем невнятно; голос у него порядком дрожал, так что она его толком не расслышала – зато быстро подумала, о чем речь.

– Ты про это фальшивое монетство? Так они думают, это его работа? Святый боже! Какой бред! – она так расхохоталась, что внизу беспокойно переступил с ноги на ногу Джаспер.

Гром ничего ей на это не ответил. Он сидел, глядя в пол, и хладнокровно жевал свой пирог.

– Слушай, Гром, – Брайди потрясла его за плечо. – Они все равно выпустят твоего па, как только выяснят, что он ничего такого не делал. Это же ошибка! Никакой твой старик не фальшивомонетчик. В любом случае, здесь тебе оставаться нельзя. Вот отпустят они его, придет он домой, а тебя-то и след простыл – и огонь погас, и на столе шаром покати, а?

Теперь уже Гром пожал плечами. И такой он сейчас был отчаявшийся и несчастный, что до Брайди вдруг дошло, почему он сбежал из дому.

– Так, – сказала она, подумав с минуту. – Соломы на себя нагребь, да побольше – хотя бы не замерзнешь. Фонарь я тебе не оставляю – ты и в лучшие-то времена криворукий, а сейчас так и вообще все тут спалишь. Вон тебе старый Диппи для компании – лучше всякой овчарки, помани мое слово. На него любой убивец разок глянет и тут же ноги сделает. А ты со своим пол-пирогом в животе до завтрака с голодухи точно не помрешь. Короче, давай спи, я тебе с утра бидон молока принесу.

– Ты ведь никому не скажешь, что я здесь? – пробормотал Гром.

– Ты про ма? Ей – точно нет. Она бы тебя отседова за ухо выволокла и к нам наверх притащила, и глазом моргнуть не успеешь – оно тебе надо? А вот Бенни и остальным – скажу. Теперь это дело банды.

Следующее утро выдалось холодное и сырое.

Банде, по идее, полагалось сидеть сейчас в школе, но большинство ее членов считало школьное начальство чем-то вроде... ну, не то чтобы прямо врагом, а так, противником по игре (очень тупым на голову) и при малейшей возможности от занятий отлынивало.

Брайди перехватила Бенни по дороге из ателье его отца – услышав, что произошло, он предсказуемо впал в бешенство. Ей даже пришлось хорошенько ему вмазать; только после этого главарь успокоился и смог нормально слушать.

– А ну, прекрати орать! Естественно, мужик ни в чем не повинен, и фальшаки раздает кто-то другой, но Гром-то думает, что это его па! Усек?

Бенни заткнулся мгновенно.

Они как раз стояли на углу Кроквилл-уок и Хоптон-стрит – самая граница владений банды с Нижнего Марша. На другой стороне дороги вдоль школьного забора тащились Громила Уоткинс и двое его парней. Они прокричали оттуда какую-то очередную грубость, но Бенни их даже не услышал – так он был поражен этой мыслью.

– Гром – чего?!

– Я его так поняла. Что фальшивый монетчик может быть мистер Добни. Дошло, наконец? У него в подвале вроде как есть все, что для этого нужно, и он разбирается в металле, и вообще.

– Я в это не верю! – решительно заявил Бенни. – И Грому тоже не дам. Идем немедленно и все сра...

– Дело не в том, чего ты ему дашь и чего не дашь, – нетерпеливо перебила Брайди. – У бедняги в целом свете никого нет, кроме его па. Па для него всё. И если он больше не может ему доверять...

Бенни по натуре был человек пылкий и щедрый; он сразу понял, куда клонит Брайди.

– Так, – сказал он. – А вот теперь я по-настоящему разозлился. Мы должны восстановить справедливость. И для этого мы проведем настоящее расследование!

Не далее как прошлым летом Бенни работал на мистера Секстона Блейка, знаменитого детектива.

Работа, правда, состояла в том, что он кому-то там отнес записку, а потом подождал ответа, но мистер Блейк дал ему за это полкроны и сказал, что он сметливый мальчуган.

И понеслось! На следующие две недели банда превратила жизнь всех взрослых в Нью-Кате в форменный ад, вынюхивая и разнюхивая все, что только можно, – пока в мюзик-холл не приехала труппа ковбоев «Лассо-Гении-из-Техаса». После этого все резко переключились на верчение веревок.

Но то «детективничанье» было просто детской игрой.

Сейчас же им предстояло сделать что-то всамделишное.

– Первым делом мы пойдем навестим Диппи, – распорядился Бенни.

Диппи они выследили на рынке, где тот покупал мешок сырых каштанов.

– Ну, чегось у вас там с восковыми фигурами? – осведомился он. – Меня уже в витрину выставили?

– Еще нет, – признался Бенни. – Слушай, Диппи, у тебя все еще при себе тот фальшивый шестипенсовик?

– Да вот был где-то тут... – старик принялся шарить по карманам жилета.

– Я дам тебе за него полпенни. Потому как это вещественное доказательство!

Старик чрезвычайно обрадовался такой выгодной сделке, но тут в их беседу встрял зеленщик, продавший ему каштаны.

– А у меня тоже один такой есть. Хотите купить?

Вскоре Бенни уже разжился еще двумя фальшивыми шестипенсовиками и вдобавок шиллингом, но на этом этапе деньги на приобретение улик у него кончились.

– Когда они спымают того паразита, что их печатал, – уверенно сказал зеленщик, – ему надобно будет сразу же оттяпать голову. Лишать честный люд их последних грошей, а! Ежели оно Карлу Первому сгодилось, так и ему сойдет!

– Мы об этом позаботимся, – заверил его Бенни.

А еще полчаса спустя банда уже заседала вокруг апельсинового ящика на чердаке конюшни. Брайди притаранила Грому бидон молока, как и обещала. Бенни принес бублик, а Акуленьш Боб пожертвовал мятную конфетку (которую, правда, вынул изо рта). Это был акт такой небывалой щедрости, что Гром счел себя обязанным принять дар.

– Так, – сказал Бенни (это слово ему явно нравилось). – Перво-наперво мы должны изучить все улики.

Он выложил на всеобщее обозрение добытые монеты. Помимо них в кармане обнаружили: кусок мела; магнит с несколькими приставшими к нему гвоздями; коробок «люциферовских» спичек; еще один коробок с неким особым червяком... который, правда, вот уже несколько дней не подавал признаков жизни; настоящая пуля от джезайля; осколок зеркала с обмотанным липкой лентой краем, чтобы заглядывать за угол; сильно поцарапанное увеличительное стекло, чтобы разглядывать отпечатки пальцев и пятна крови и заодно разжигать огонь, и, наконец, рваный носовой платок цвета натуральной природной грязи.

Монеты положили в один ряд – все они были блестящие, очень настоящие с виду. На каждой в каком-то месте красовалась отметина от зубов, наглядно демонстрировавшая, что сделаны они из мягкого металла, а вовсе не из нормального серебра.

– Первый ключ, – сказал Бенни, назидательно подняв палец. – Они все из наших мест. В основном от Диппи и с рынка.

– А у меня еще несколько от мясника, – ввернул Гром.

Ляпнул он это не подумав и слишком поздно догадался, что, возможно, тем самым изобличил собственного отца. Впрочем, метаться было так и так уже поздно.

– Он мне еще рассказал про старого Штампа Биллингса, – быстро добавил Гром.

– Про кого? – удивилась Брайди.

– Был такой фальшивомонетчик, – объяснил Гром. – Жил в Нью-Кате. Очень давно.

– А ведь его вещички до сих пор могут быть где-то здесь, – задумчиво сказал Бенни. – Инструменты и всякое прочее. Нужно выяснить, где именно он жил. А потом – где именно

бросают в оборот эту дрянь. Здесь у нас этого добра навалом, а вот есть ли оно в Нижнем Марше? И еще дальше – в Элефант-энд-Касл или на Ламбет-уок? Потому как они могут быть вообще не отсюда. Нам, иными словами, нужно сейчас рассредоточиться по всему Ламбету и поискать источник, откуда это все пускают в оборот. Только давайте без этих вот «оборотов» – какой смысл использовать слова, если каждый раз приходится объяснять, что они значат? Короче, ищите, насколько широко оно все раскатилось, а потом соберемся и вычислим, в каком месте центр, стало быть.

– И что потом? – резонно поинтересовалась Брайди.

– А потом... мы будем *знать*, вот что. И сможем очистить доброе имя Громова папаши.

Гром на этих словах густо покраснел. Уставясь в грязный пол, он принялся ковырять соломинкой дырку в доске.

– Ладно, – подытожила Брайди. – Пора действовать. Мы с Акуленьшем возьмем на себя Элефант.

– Мне нравятся элѐфанты, – сообщил Акуленьш.

– Ты же никогда не ел элѐфантов! – поддела его сестра.

– Бьюсь об заклад, он бы отлично справился, – великодушно потрепал его по голове Бенни. – А мы, стало быть, поднимем по тревоге остальную банду. Я свяжусь с близняшками Перетти...

– Не-е-ет! – в отчаянии простонал Гром.

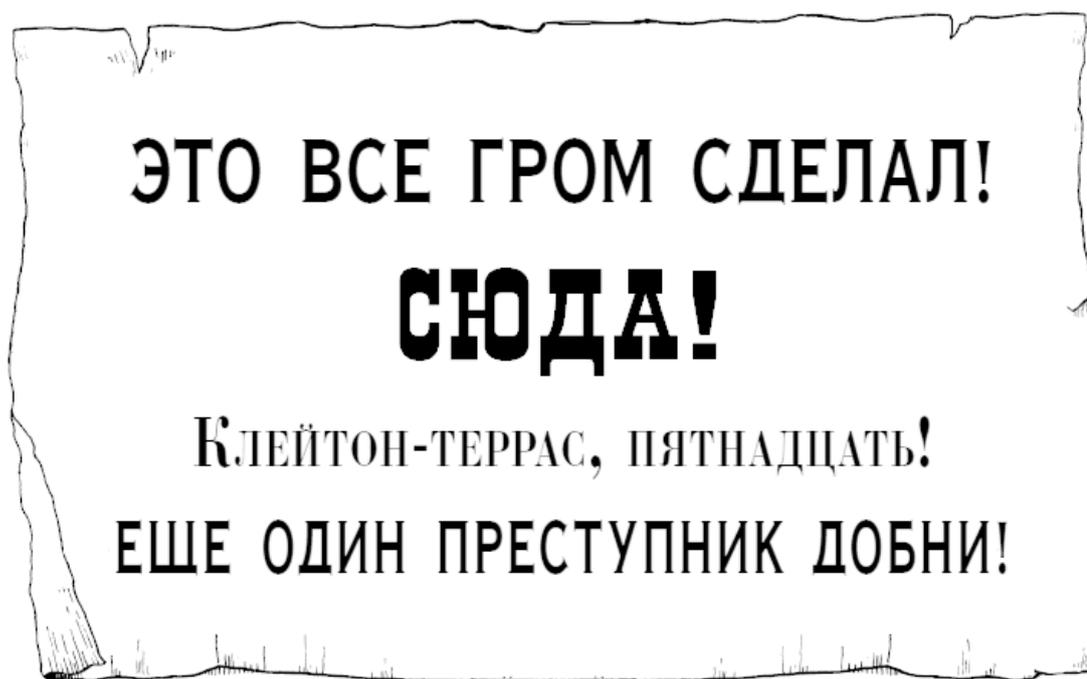
Брайди сурово покачала головой.

– Ну, может и нет, – пошел на попятный Бенни. – Значит, вы с Акуленьшем идете в Элефант, я – на Ватерлоо, а Гром может окучить Лайм-Три-уок. Встретимся здесь в четыре часа.

И они с Брайди и Акуленьшем вихрем ссыпались по лестнице и разбежались в назначенные стороны. Гром, в отличие от них, не торопился. На улицу ему идти совсем не хотелось: казалось, каждый с одного взгляда узнает в нем сына государственного преступника. И какого преступника! Подлее преступления не сыскать! Будь в нем что-нибудь такое... бесшабашно-удалое – наподобие пиратства на морских просторах! – было б еще полбеды. Но подделывать шестипенсовики – совсем другое дело. Это низкое, скрытное преступление... для слабаков, для хлюпиков. И страдают от него обычные бедняки – что может быть гаже!

Кругом словно стемнело – так Грому было худо со всего этого. А когда он пытался не думать про па, в голову навязчиво лез тот кусок краденого свинца... – из-за него Грому казалось, что всякий встреченный полицейский охотится лично за ним.

Злосчастная свинчатка разрослась у него в воображении до размеров Гибралтарской скалы – и уже вся была утыкана флагами и плакатами, кричавшими:

Детективничать он все-таки пошел, но особых результатов не добился, и когда все снова собрались на улице у конюшен несколько часов спустя, чувствовал себя абсолютно бесполезным.

Зато Брайди притащила пару кульков Диппиных каштанов, а Бенни – большой кувшин имбирного пива, а у Акуленьша Боба обнаружился сверток с яблоками, и все они были такие довольные, такие веселые, что и у Грома потеплело на сердце. Глядя, как Бенни увлеченно вгрызается в яблоко, он и сам почувствовал, что, пожалуй, голоден.

Но не успел Гром и рта раскрыть, как Бенни, уставя палец вдоль по улице, вдруг заорал: – *Хлытыды! Хтота хорует Тытты!*

Стерев с очков жеваное яблоко, Гром обернулся и посмотрел, куда ему показывали.

Хтота... то есть щуплый мужичонка в крысоловье шляпе – выскользнул из ворот конюшни, безуспешно пытаясь спрятать под пальто свою ношу: признанный шедевр Бенни, восковой портрет Диппи Хичкока!

– Эй! Держи вора! А ну, вернись!

Коротышка в ужасе оглянулся и, увидев четырех весьма грозного вида детей, стремительно приближавшихся к нему, пискнул и попытался дать деру. К счастью, длинные ноги куклы запутались в его коротких и опрокинули преступника на грязный тротуар, по которому он и покатился кувыркком, панически вереща. Кукольные руки страстно обвили вокруг него, так что со стороны казалось, будто на ни в чем не повинного человека напал какой-то монстр из мира снов.

Прохожие, естественно, останавливались поглазеть. Привлеченные криками, люди выглядывали из ворот рынка, открывали окна на верхних этажах; из «Розы и короны» тоже высыпало порядком народу – и все с интересом *глазели*. Компания празднующих собак, которым явно было нечем заняться, появилась из ниоткуда и обступила вора и куклу, радостно гавкая, – ни дать ни взять дети на школьной площадке, где кто-то затеял драку! Престарелая коняга, запряженная в кэб, напугалась и нервно шаррахнулась в сторону.

Увы, когда банда подросла к месту действия, коротышка отчаянным усилием освободился от монстра и дернул прочь во все лопатки. Бенни жаждал припустить за ним и произвести гражданский арест, но Брайди поймала его на лету.

– Да оставь ты его в покое, – проворчала она. – Кукла же у нас.

– Но не вся, – уточнил Гром, поднимая ее подальше от веселящихся собак: на каком-то этапе у Диппи отвалился нос, и теперь некрупный терьер по кличке Рон с энтузиазмом его доедал.

Увидав, что ему удалось урвать, остальные псы горячо позавидовали товарищу, но Рону удалось бежать с носом в зубах. Менее чем через минуту после начала представления все интересное кончилось. С куклой, надежно зажатой между ними, банда двинулась в штаб-квартиру, кипия негодованием от бессовестности взрослых.

– С ума сойти! – сказала Брайди. – Я прямо шокирована!

– Его, самое малое, стоит повесить, – вынес приговор Бенни. – Никому нельзя доверять!

Он ласково обезглавил фигуру, разгладил воск по краям оставшейся от носа ямки, вправил кровавый глаз обратно в глазницу и почистил щеки от грязи и гравия.

– Наверняка это был один из этих... воров, которые крадут искусство, – поделился своими мыслями он. – Тащат картины, статуи, фарфор всякий и прочие штуки, а потом загоняют музеям да богатым американцам за громадные деньги. Вот зуб даю, точно он – искусственный вор!

Тут их нагнала подзадержавшаяся Брайди.

Ее заинтересовало необычное поведение мужчины иностранного вида, который стал свидетелем и бегства вора, и спасения куклы. Этот подозрительный иностранец сначала внимательно рассматривал мостовую там, где валялся похититель кукол, потом наклонился, подцепил что-то (слишком маленькое, не разглядеть), и – представьте! – положил это в конверт, а конверт сунул в жилетный карман.

Гм-м, отметила Брайди про себя, но никому покамест ничего не сказала.

А сказала, наоборот, совсем другое:

– А по-моему, ему без рыла лучше. Дружелюбнее как-то стал.

И она еще раз внимательно осмотрела причиненный ущерб.

– О чем ты говоришь! – возмутился Бенни. – Выглядит он ужасно. Как будто на него лев напал. Поглядел бы я на тебя, если бы тебе вот так взяли и нос откусили!

– И вовсе это не лев был, – вмешался Гром, – а старый Рон из рыбной лавки. И совсем он не ужасный. Выгребни у него еще кусман из затылка и сделай новый шноц, а дырку мы кепкой закроем. А вообще он в полном порядке – так, запылится чутка.

После небольшого ремонта кукла заняла свое привычное место возле потолочного окна, а банда – свое, вокруг апельсинового ящика.

В приветливом свете фонаря они поделили и съели яблоки и каштаны. Кувшин имбирного пива несколько раз обошел по кругу и опустел. Потом Брайди нейтрализовала Акуленьша гигантской мятной конфетой, и банда приступила к докладам.

– Я дошел до моста Блэкфраерс и дальше, через реку, – начал Гром. – На той стороне почти ничего нет, зато на этой – целая уйма. Потом наведалься на Лайм-Три-уок, поговорил с одним попрошайкой, и он мне много всего рассказал про фальшивомонетство. Самое трудное – не начеканить фальшивых денег, а сбыть их с рук. Говорит, нужна целая толпа народу, потому как не может один кто-то завалиться в лавку или в паб с мешком новеньких денег – это будет выглядеть подозрительно. Так что те, кто вбрасывает, покупают у чеканщика шестипенсовики и шиллинги по пенни за штуку и сбывают их в разных местах по всему городу. Он мне отдал один такой шестипенсовик – так и подумал, говорит, что тут дело нечисто: обычно-то ему только полпенни да фартинги достаются.

Голос его по мере рассказа делался все тише и тише, а под конец и совсем уплыл. Нет, Гром был не прочь помочь банде в расследовании... но с каждым шагом они могли приближаться к доказательству вины его папы! И больше всего на свете ему сейчас хотелось зажмуриться покрепче и спрятаться навсегда в темноте.

А вот Брайди была твердо намерена докопаться до истины.

– Фальшивые монеты ходят вдоль всей Сент-Джордж-роуд и Лондон-роуд, – сообщила она. – Одна-две буквально в Элефанте, а вот в Ньюингтон-баттс – ни одной. И на Нью-Кент-роуд. И на Уолворт-роуд.

– Хоть одну удалось добыть? – деловито спросил Бенни.

– Три.

Улики перекочевали из одной липкой ладошки в другую. Бенни внимательно осмотрел добычу и присоединил к остальным на ящике.

– А еще, – победоносно заявила Брайди, – мы поговорили со Змееглазом-Мелмоттом, который букмекер, и он нам сказал, где жил старый Штамп Биллингс! А жил он прямо тут, по соседству, под тем местом, где теперь универмаг!

– Что, прямо под ним? – изумился Гром.

– Он подвал занимал. Большинство монетчиков по верхним этажам сидят, сказал нам Змееглаз, чтобы, значит, услышать, когда к ним копы полезут, и успеть все в огонь покидать. А вот Штамп Биллингс – тот в подвале работал. Как раз в том сплошном ряду домов, где сейчас «Универмаг Гребби». Потому как старый Гребби его весь и купил, ряд этот.

Гром слушал во все уши. Большинство фальшивомонетчиков работает на последних этажах... А папа – в подвале... Но ведь и Штамп Биллингс – тоже в подвале.

Бенни едва мог усидеть на месте – так ему не терпелось поделиться своими открытиями.

– А я заходил к «Гроверу и Коэну» на Пикок-элли! – сказал он. – Ну, вы помните, к тем детективам.

«Гровер и Коэн» были два частных сыщика с очень сомнительной репутацией (ни разу не того же класса, что Секстон Блейк), которым Бенни тоже время от времени оказывал разные услуги. Всю вторую половину дня он проторчал у них в конторе, выспрашивая про фальшивые деньги в целом и про нынешний массовый вброс в частности.

– Но им мало что известно, – признался он. – Конечно, пришлось пообещать им кой-какую работенку. Им надобно найти кошку одной старушки, которая взяла да и сбежала. Кошка, понятное дело, не старушка. Долго это не займет, я знаю, где тут кошек берут пачками. А, да – и еще я за одно утро собрал вдоль Ламбет-уок полдюжины свеженьких фальшачков!

Еще шесть монет легли рядом с товарками на ящике.

При этом Бенни продолжал ерзать и подергиваться от возбуждения, так что это еще не все, догадался Гром.

– В общем, – разразился наконец Бенни, – я его раскрыл! Я раскрыл преступление!

Все собрание безучастно уставилось на него.

– Да правда же! Честное слово!

И, не в силах совладать с собой, он вскочил и исполнил небольшую джигу, словно Пэдди Фелан, знаменитый Плясун-с-Ложками. Акуленьш Боб в полном восторге присоединился к нему.

– Не иначе ему мышьяк в подштанники забралась, – понимающе кивнула Брайди и, встав с места, отвесила Бенни смачную затрещину. – Заглохни, придурочный! Садись и выкладывай, раз ты у нас такой Секстон Блейк!

– Хорошо. Хорошо, – отозвался Бенни и действительно сел. – Когда поймали Штампа Биллингса?

– Сто лет назад, – мрачно отрезала Брайди.

– Это было... это было, – Гром принялся копаться в памяти: ведь мясник что-то такое на эту тему говорил... – Ага! Это было в том году, когда Сефтон выиграл Дерби!

– Значит, в 1878-м, – тут же сказала Брайди.

– А теперь посмотрите на монеты! – продолжал Бенни. – Да на год, на год посмотрите!

В то же мгновение три руки протянулись в кучке сияющего серебра и схватили по монете.

– 1878!

– Все?

– Да!

– Значит, это все Штамп!

– И вовсе никакой не Громов папа!

– Но...

Это «но» вырвалось, конечно, у Грома... а дальше с ним что-то произошло, и он вдруг начал *верить*. Лихорадочно перевернул все монеты на ящике – да, все совершенно новые с виду и на всех 1878 год, точно в нужном месте. В груди словно надулся большущий шар радости – Гром чуть не всхлипнул от облегчения, но постарался замаскировать звук икотой. Монеты сверкающим водопадом сыпались из одной ладошки в другую... Да, кажется, все правда.

– Все, теперь мы сможем доказать, что он невиновен! – заключил Бенни.

Чердак захлестнуло волной аплодисментов и ликующих возгласов, но тут Брайди сказала: «Нет, не сможем», – и воцарилась тишина.

– Это ничего не доказывает насчет мистера Добни, – продолжала Брайди. – А доказывает только то, что, кто бы эти деньги ни чеканил, для модели у него была новая монета 1878 года.

– Да кто бы стал такое делать в 1894-м? – простонал в отчаянии Гром. – Монетам 1878 года должно быть аж шестнадцать лет! Уж всяко бы поистерлись с тех пор, хоть немного. Наверняка их прямо тогда и сделали!

– И потом, – не унималась Брайди, – если их действительно делал старый Штамп Биллингс, почему они стали появляться только сейчас?

– А потому что где Штамп жил, не забыли? – встрял Бенни. – Под «Универмагом Гребби», вот где! Я смекаю, он понаделал сотни таких фальшивок да все припрятал, и никто их тогда не нашел. Потом Гребби купил дом, сделал там магазин, и нашел в подвале клад... ну, или там тайник в стене или еще что. И в этот самый оборот их сейчас пустил он!

– Но мистер Гребби – богач, – слабо возразил Гром. – Зачем ему пускать на улицу фальшивые пенсы, сам подумай.

– Потому что он не только богач, но и злыдень, – авторитетно объяснил Бенни. – Это всем известно. И у него есть идеальная возможность это сделать. В таком большом магазине с кучей народу сунуть кому-нибудь в сдачу поддельную монету – раз плюнуть. А мы сегодня выяснили, что универмаг торчит аккурат посреди того района, где они имеют хождение. Чем дальше от универмага, тем их меньше. Мы сами только что это доказали!

– А вот это вполне может быть, – согласилась Брайди. – И самый первый раз мы с ними столкнулись как раз возле «Распродажного». Бьюсь об заклад, кто-то получил монету внутри со сдачей и тут же расплатился ею с Диппи.

– А в прошлом месяце они открыли в подвале магазина новый отдел! – вспомнил Гром. – И могли найти Штампов клад, когда делали там ремонт.

– И вообще Гребби – жалкая, мерзкая, старая сволочь, – вздохнул Бенни. – Это просто обязан быть он!

Мистер Гребби и вправду был жалкая, мерзкая, старая сволочь – он этим, можно сказать, славился. Банду изгнали из универмага после того злосчастного инцидента в туристическом отделе, но Гребби изгонял не только потенциальных полезных сотрудников вроде них – он изгонял всех, даже взрослых! К изгнаниям он пристрастился после того, как в магазине установили новый электрический лифт, один из первых в Лондоне. На каждом этаже расставили слугителей с нюхательными солями и бренди – на тот случай, если пассажирам после поездки станет дурно. Естественно, вскоре лифты уже ломались от клиентов, которые выходили на нетвердых ногах и принимались требовать свой законный бренди. Мистер Гребби рассвирепел и изгнал их всех.

А потом была еще старая Молли Томкинс! Чокнутая на всю голову, да, но ведь при этом совершенно безобидная. Втрескалась в один манекен в витрине и все пыталась туда залезть, чтобы быть с любимым: решила, бедняжка, что мистер Гребби держит его у себя в заточении. Так ее, представьте, даже с тротуара изгнали – запретили гулять по улице вдоль витрин, и она, бедняжка, все торчала через дорогу оттуда и сигналы подавала своему жениху, пока ее не забрали в сумасшедший дом!

Короче, мистер Гребби был человек раздражительный и задира – а теперь еще и фальшивыми деньгами баловался... возможно.

Гром подумал про своего отца, запертого сейчас в камере. Мысли его, небось, так и бились об оконную решетку, что твой почтовый голубь с восточкой надежды.

– Мы должны его поймать, – веско сказал Бенни. – И непременно на горячем.

– И как мы это сделаем? – спросила Брайди. – В магазин он нас не пустит. Может, лучше пойти в полицию и все им рассказать?

Казалось бы, что может быть проще, но при одной этой мысли у Грома мороз побежал по коже. Он даже на секунду забыл про свое собственное преступление.

– А может, – со слегка диким видом предложил он, – нам стоит проникнуть в магазин и найти тайник?

– Ну, много времени это не займет, – согласилась Брайди. – Там всего-то двадцать два отдела. И примерно десять тысяч мест в каждом, где можно что-нибудь спрятать. Минут десять нам на все про все хватит. Айда?

– Это смотря... – начал было возражать Гром, но Бенни вдруг поднял руку.

– Тссс!

Все умолкли.

Бенни на цыпочках прокрался к люку, встал на четвереньки и прислушался.

– Внизу кто-то есть! – прошептал он.

Шпион!

Ребята переглянулись. Зловещий холодок пробежал по спинам. В полной тишине каждый нашарил себе оружие – рогатку, палку, складной ножик, да что угодно, что под руку попало... – и приготовился дорого продать свою жизнь.

Внизу беспокоился, топтал и всхрапывал Джаспер. Потом стало тихо. А потом раздался скрип. Это был очень знакомый скрип: такой звук издавала пятнадцатая ступенька лестницы, если считать снизу. Чужак был уже почти наверху!

Тихо, в полном молчании Гром, Брайди и Бенни подкрались к люку. Акуленьш Боб грозно хмурил брови из-за апельсинового ящика. Шальной сквозняк положил и задержал пламя свечи в фонаре, и по всему чердаку, словно огромные черные флаги, заполоскались тени.

Под люком заскребились и защелкали, словно чужак возился со щеколдой. К тому же он еще и бормотал что-то – да не как-нибудь, а на чужом языке! Гром подумал, что, возможно, на французском. Он даже разобрал что-то типа: «*Morbleu! Que diable ont-ils fait avec le... Ah! Voilà...*»¹

Защелка открылась.

Крышка люка поднялась.

В дрожащем свете фонаря возникло лицо. К лицу прилагались маленькая острая бородка, опрятная шляпа жемчужно-серого цвета и белые лайковые перчатки. Что бы лицо ни ожидало увидеть на чердаке, в перечень явно не входило кольцо свирепых физиономий и целый арсенал опасного оружия, направленного прямо на него.

Лицо потрясенно ахнуло, а потом...

---

¹ Черт побери! Что они там сделали с этой... Ага, ну вот! (*франц.*)

– *Non! Non! Aah...*²

Пятнадцатая ступенька! С детским весом она справиться еще могла, но француз попался пухлый и даже откормленный, и когда он наступил на треснутую перекладину, та крякнула и подломилась.

Исчезновение гостя сопровождалось затихающим воплем:

– Уааааааааа!!!

Надо же, заинтересованно подумал Гром, а по-французски звучит совсем как по-английски!

Банда сгрудилась вокруг люка и выжидательно уставилась вниз. Старый Джаспер наверняка не обрадуется, если под ноги ему будут валиться всякие французы...

Через мгновение пронзительное ржание и грохот копыт подтвердили эту теорию. Последовали еще крики, на смеси французского и панического, затем шпион нашел, наконец, дверь и выскочил вон.

Банда снова переглянулась. Бенни отрицательно покачал головой.

– Псих. Из сумасшедшего дома сбежал. Наверняка его скоро поймают. Или, может, еще один *искусственный вор*... Кстати, да! С виду настоящий искусственный вор! Но забудьте про него – я придумал, как нам поймать Гребби с поличным! Закройте люк, я вам расскажу мой план.

---

² Нет! Нет! Ааа... (*франц.*)

Глава четвертая. Превращение Диппи Хичкока

– Трущобство! – авторитетно изрек Бенни, как только все расселись обратно вокруг ящика. – Мы должны взять Гребби на трущобстве.

– А? – сказала Брайди.

– «Трущобство». Мне Гровер и Коэн рассказали. Главная проблема с фальшивыми монетами в том, что они выглядят слишком новыми. Настоящие серебряные шестипенсовики должны быть более тертые. Ему должно прийти в голову, что раздавать деньги такими опасно, – стало быть, надо их *затрущобить*. Для этого ты мешаешь ламповую сажу с маслом и втираешь в монету – и она получается такая, малек *трущобная*. Поняли? Короче, до него эта идея доходит, и он все делает, и тут появляемся мы и берем его горяченьким.

– О, – сказал Гром.

– Ясно, – сказала Брайди.

– Но как мы заставим его это сделать? – поинтересовался Гром.

– Мы подговорим Диппи зайти в магазин и громко завести об этом речь, чтобы Гребби услышал.

– Диппи, между прочим, оттуда тоже изгнали, – напомнила Брайди.

– Ну, значит, еще кого-нибудь! Гровера. Или Коэна. Или еще кого. Или дядьев твоих, во!

– Все это хорошо, но как мы попадем внутрь? – возразила Брайди.

– И как мы потом докажем, что видели? – развил эту мысль Гром.

– Я одолжу у Гровера с Коэном их детективную камеру, и мы сделаем картинку.

– Они все равно не... – с сомнением начала Брайди.

– Допустим... – начал Гром.

– Не думаю, что... – сказала Брайди.

– А что, если... – сказал Гром.

На этом Бенни в очередной раз вышел из себя.

– Вы меня не заслуживаете!!! – взорвался он. – А заслуживаете вы кого-нибудь вроде Громилы Уоткинса – пусть он вам говорит, что делать! Пусть вас эта чертова кукла возглавляет! На что я трачу свою молодость! Меня здесь никто не ценит! У вас смелости и воображения – как у буфета с тараканами! Да таким планом бы сам Секстон Блейк гордился! Вот уйду к

нему и буду работать на полную ставку, вместо того чтобы вас, паразитов, возглавлять. Стану партнером – уж он-то меня оценит по достоинству. Скажет, вот, мол, Бенни, мне бы такие планы, как ты, выдумывать! «Да, но...»! «Допустим...»! «Что, если...»! Ух, зла на вас нет!

– Я просто хотел сказать, а что, если мы заставим Диппи нас впустить?

Воцарилась тишина.

Гром весь подался вперед и моргал без перерыва – как всегда, когда думал. Потом, вернув на место сползшие по носу очки, он все-таки попытался разъяснить идею, пухнувшую у него в голове, как радужный мыльный пузырь.

– Свинец, – сказал он. – Мой кусок свинца, который я выменял у Гарри Флетчера... который от статуи на лошадиной поилке... И Диппи хотел стать восковой фигурой... И тот дядька в витрине вчера, когда Диппи получил первый фальшивый шестипенсовик...

– Ты сейчас вообще о чем? – осторожно поинтересовался Бенни.

Гром объяснил, о чем.

Прошлым летом Лондонская Ассоциация Питьевых Фонтанов и Водопойных Корыт сделала крупную ошибку – установила статую Царя Нептуна из чистого свинца у поилки прямо напротив заведения мистера Дж. Бизли, скупщика металлолома. Искушение для местного населения предсказуемо оказалось слишком велико – при нынешних-то ценах на свинец! Через тридцать шесть часов после торжественного открытия статуи она бесследно исчезла. Следующие несколько недель неузнаваемые слитки свинца с завидной регулярностью объявлялись у Бизли – один из них, сравнительно небольшого размера, как раз и причинял Грому периодические припадки криминального чувства вины.

Впрочем, когда постамент осиротел, выпивохи из расположенного рядом «Овна и флага» решили, что так дело не пойдет, и как-то раз теплым вечером устроили шоу живых картин, позируя на нем по очереди перед почтеннейшей публикой. Публика восхищалась, критиковала – словом, развлекалась вовсю.

«Наполеона» Томми Глоссопа, помнится, очень хвалили. «Леди Макбет» в исполнении миссис Амелии Прайс доставила массу удовольствия любителям высокой драмы. Но именно «Моисей, повелевающий расступиться водам Красного моря» (его представлял Диппи Хичкок) вызвал овации и настоящую бурю аплодисментов. Диппи выбрал крайне выразительную позу и держал ее так долго, что впору было подумать, у него не только голова дубовая, но и все остальное тоже, по меткому выражению миссис Фанни Блоджетт из кофейни «Эксельсиор». Двойняшки Перетти, помнится, еще поставили на него и выиграли два шиллинга.

– Ахха! – произнес Бенни со вздохом глубокого удовлетворения. – Я начинаю понимать.

– Ну, тогда мне объясни, – буркнула Брайди.

– Мы оденем Диппи по-шикарному, – перевел на понятный язык Гром, – почистим чуток, он войдет в магазин, проберется в витрину и будет стоять там, притворившись манекеном, до самого закрытия, а когда придет время, впустит нас внутрь.

На физиономии Брайди медленно расплылась широкая улыбка. На физиономии Бенни она и так уже давно сияла.

– Это просто с ума сойти! – припечатал он. – Высший класс!

– Из всех наших идей эта – лучшая! – твердо сказала Брайди.

Что ж, возможно, жизнь – не такая уж плохая штука, подумал Гром.

Они сговорились изловить Диппи и осуществить свой план на следующий же день: чего заря груши околачивать, как емко выразилась Брайди.

Потом все двинулись на выход. Гром, впрочем, замешкался.

– Айда домой, Гром, – сказала ему Брайди.

– Ну, не знаю... – нерешительно промычал он и прикусил губу.

– Зато я знаю. Мы на верном пути! Можешь идти спокойно спать в собственной постели, а ма тебя покормит – нечего торчать тут еще одну ночь.

– Э-э-э...

Гром оглянулся на куклу. Диппи Второй стоял у стены, такой заброшенный и одинокий, что Гром прямо-таки почувствовал себя обязанным остаться и составить ему компанию. Брайди тоже на него посмотрела.

– Ага, – сказала она. – У меня из-за него тоже такое забавное чувство. Думаю, нам надо его спрятать. Тот вор знал, где он... да и француз наверняка тоже за ним охотился.

– Тот беглый псих? Вряд ли он решит вернуться – после того, как Джаспер дал ему под...

– Все равно я думаю, нам надо взять его с собой. Мало ли что.

– Мало ли что, – авторитетно подтвердил Акуленьш Боб.

Они надели кукле на голову старую Джасперову торбу для овса, свернули потуже мягкие руки-ноги и перевязали их куском бечевки, который Гром носил на поясе замест ремня, – он же альпинистская веревка, он же лассо – да *мало ли что еще!*

Не без труда спустив неуклюжий сверток через люк и дальше, по лестнице, они тронулись, наконец, домой.

До чего же странно было снова оказаться дома! И совсем не здорово – плита стояла холодная и забитая золой; масло в лампе высохло, а из еды – только корка черствого хлеба. Грому стало очень жалко себя, но тут сверху пришла Брайди и сказала, чтобы он шел к ним.

– Ма велела передать, что, если ты сей же час не поднимешься и не сядешь за стол, она тебе все уши пооткручивает, – сообщила она, так что выбора у него, понятное дело, не осталось.

В кухне семейства Малоун царили пять разных видов шума сразу – и к ним в придачу три разных вида дыма.

Миссис Малоун вопила благим матом. Акуленьш Боб колотил две ложки друг об друга. Дядя Пэдди наигрывал на вистле. Мэри и две средних сестренки препирались над настольной игрой под названием «Шатучка». На плите шипела и плевалась сковородка жареной картошки. Дым, собственно, шел от картошки, от огня и от трубки дяди Майки.

– А вот и наш победитель! – воскликнул дядя Пэдди, имевший удовольствие лицезреть знаменитый бой с Громилой Уоткинсом.

– Они уже отпустили твоего па? – спросила Мэри.

– Естественно, нет, – огрызнулась Брайди. – Он бы тогда домой пошел, а не сюда.

Миссис Малоун обратила к Грому свое широкое красное лицо.

– И о чем ты, парень, думал! Торчать всю ночь на конюшне, а! – взревела она.

– Я думал, они и меня придут арестовывать, – объяснил Гром.

– Пусть только попробуют! – прорычала могучая ирландка. – Брайди! Тарелки!

Она грохнула на стол сковородку, и тотчас же кухню начал затоплять прилив Малоунов. Он поднимался с пола, из-под стульев, даже из-под самого обеденного стола. Те, что поменьше, влезали на коленки к тем, кто побольше; дядьям досталось сразу по паре. Грому пришлось разделить стул с Акуленьшем Бобом.

– Только береги от него бекон, – предупредил кто-то. – Глотай побыстрее, а то поминай как звали.

Миссис Малоун раздала жареную картошку; дядя Пэдди нарезал ломтей от огромного куска вареного бекона. На какое-то время все разговоры прекратились – правда, тихо все равно не стало: в кухне воцарились стук ложек и довольное чавканье дюжины славно набитых ртов.

Потом послышался удовлетворенный вздох, еще один, и дядя Пэдди сказал:

– Эг' был отличный бекон, Майкл.

– Повезло свинке, Патрик, что и говорить, – отвечивал дядя Майки, и Гром заметил, как оба украдкой подмигнули друг другу.

Миссис Малоун убрала бекон и выставила взамен краюху хлеба и патуку.

Когда и с ними покончили, Брайди отправилась мыть посуду.

Гром даже успел встревожиться, собирается ли она делиться планом Бенни и когда, но Брайди знала своих дядьев и приступила к делу не раньше, чем те набили свои трубки, хорошенько их раскурили, а вокруг их ног сползлись играть дети.

– Дядя Майки? – сказала она, наконец, домыв посуду и вытерев руки. – Можешь сделать для нас доброе дело?

Дядя Майки с ними не жил – он пришел пешком из Лаймхауса, где сейчас стояла на разгрузке его барка.

– Только если не позднее завтра. Послезавтра мы уходим в Балтийское море. Что ты из-под меня хочешь, девочка?

– От тебя и от дяди Пэдди – мне вы оба-двое нужны. Надо, чтобы вы пошли в «Универ-маг Гребби» и слонялись там, пока не завидите самого мистера Гребби. Тогда надобно будет помянуть фальшивые деньги и посмотреть, не наострит ли он уши. А ежели он к вам подберется и начнет слушать, вы заговорите про трущобство.

– Это еще что за ерунда? – вмешался дядя Пэдди.

– Цыц, Патрик. Продолжай, девочка.

– Один из вас скажет другому, что фальшивые деньги должны с виду быть непременно использованные, и для этого профессионалы втирают в них смесь печной сажи и масла. А иначе они смотрятся слишком новыми, и люди могут что-нибудь заподозрить. Нужно, чтобы старый Гребби все это услышал, а потом можно спокойно валить. Понятно?

Дядя Майки задрал одну рыжую бровь и выпустил в потолок длиннющую струю дыма.

– Представления не имею, что вы там задумали, обормоты, но надурить этого чванливого болвана – самое милое дело. Больно он расхохрился. Что думаешь, Пэдди?

– А чего бы и нет? – одобрил дядя Патрик.

У Грома прямо душа запела, словно оба этих дяди были его собственные.

На следующее утро он хотел первым делом бежать на поиски Диппи, но, к несчастью, на улице торчал школьный проверяльщик посещаемости со своей черной записной книжкой, и скрыться от него не было никакой возможности. На перемене Гром быстро и даже как-то рассеянно вздул мальчишку, который заявил, что мистера Добни теперь обязательно повесят, а Грома отправят в сиротский приют, после чего, успешно починив очки с помощью кусочка лассо-на-все-случаи-жизни, неохотно пошел учить главные реки Англии и Уэльса.

Монотонное учительское бормотание, ученическая возня (класс непрерывно чесался, шмыгал носом и чем-то шуршал), плюс характерная духота, неизбежно образующаяся, когда в одном тесном помещении встречаются много немых тел и большая чугунная печка, наводили на него тоску.

Зато, уныло бредя на волю через калитку с вывеской «МАЛЬЧИКИ», он услышал крик: «Эй, Гром, Гром!» – и увидел, что через дорогу от него на тротуаре нетерпеливо подпрыгивает Бенни и машет ему рукой.

– Они это сделали! – завопил Бенни, когда Гром прыснул к нему поперек улицы. – Брайдины дядьки! Пришли в универмаг, все расфуфыренные, подождали, пока Гребби будет от них, вот как ты сейчас от меня, и ну заливать про фальшивые деньги – а он как подскочит, чуть подтяжки не порвал!

На горизонте у Грома заметно просветлело.

– Только вот проблема в том, что у меня не было времени разыскать Диппи! – вспомнил он. – Нас проверяльщик поймал, пришлось в школу тащиться.

– Вот дьявол! Да он же может быть где угодно! Если мы его сегодня не запихнем в магазин, нам конец.

– Я все равно еще не придумал, как его уговорить.

– Я тоже об этом думаю. Может, близнецы знают, где его сейчас носит...

Двойняшки Перетти, Анжела и Зерлина, были на год-два младше остальных. Они прибились к Нью-катской банде некоторое время назад. Несмотря на все свое презрение к малышне (исключая Акуленьша Боба), Бенни проникся здоровым уважением к их острому уму и общей лютости. В этой последней их так сразу и не заподозришь – глядите, настоящие итальянские ангелочки с большущими невинными карими глазами и копной черных кудрей! Но если их как следует раззадорить, девчонки враз делались хуже Африканца Сэма, чей гм... темперамент давно вошел в легенду.

Кстати, Диппи в них души не чаял. Они могли убедить его в чем угодно – даже если у мальчиков уже опустились руки.

– Да, – сказал Гром. – Хорошая идея.

И мальчишки ринулись по следу – ни дать ни взять пара грейхаундов!

Двойняшки нашлись в пылу спора со Змееглазом-Мелмоттом у дверей «Валлийской арфы». Их немедленно умыкнули и за пятьдесят секунд чистого времени изложили всю историю.

– Так, – сказала Анжела. – Мы его найдем.

– И заставим все сделать, даже если это будет последний подвиг в его жизни, – кивнула Зерлина.

Дальше банда прочесала весь Нью-Кат, потом весь Нижний Марш; ребята нашли продавца горячего гороха, продавца кексов, продавца пирогов – но совершенно не нашли Диппи. Они проверили Ватерлоо-роуд по одной стороне до железнодорожного моста, потом по другой – до Сент-Джордж-серкус, потом опять по первой и вот там-то и врезались в него на полном скаку: Диппи как раз выходил из зеленой лавки Чиппина на углу Уэббер-роу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.